

Просмотры повторялись снова и снова. Каждый раз он пытался тщательно изучить детали и уловить хоть какую-то зацепку и каждый раз он чувствовал дыхание смерти. В тот момент Лин Дайдай едва не умер, и каждое воспроизведение заставляло Лин Йена снова и снова переживать все эти ощущения.

Лин Йен очень боится смерти. Этот страх был высечен у него на костях и глубоко в душе. Он делает всё возможное, чтобы избежать смерти, и при этом ему постоянно приходится сталкиваться с ней.

Сколько бы он ни пересматривал, он так ничего и не добился. Хотя, он улавливал какое-то странное чувство, но так и не смог верно его разобрать. Все попытки понять его провалились, но Лин Йен был слишком упрямым, чтобы сдаваться, и продолжал даже когда у него началось умственное истощение.

Чем больше он переживал близость смерти, тем сильнее ощущалось то странное чувство. Лин Йен даже в некоторой степени привык к этой опасности, и теперь боялся смерти не так сильно, но сами страх и трепет никуда не делись.

В конце концов, его разум стал выжатым как лимон, но даже тогда он не смог понять, что означало то странное чувство.

В этот момент его росток души слегка задрожал. Кажется, в отличие от Лин Йена, он смог разобраться, в чём дело.

— ...

Лин Йену казалось, будто над ним издевались. Столько раз проматывал эти воспоминания, использовал все доступные ему методы и довёл себя до истощения, но ничего не добился.

Ему хотелось ругаться. Разумеется, какой смысл без конца использовать свой мозг, который ему заменял главный корень, после стольких беспочвенных попыток? Росток души — это кристаллизация его собственной души и семени Древа Жизни. Он намного важнее главного корня.

Раньше Лин Йен обращался к нему за помощью, и он давал ему полезные советы, но это было так давно, что Лин Йен банально забыл о такой возможности. В конце концов, не так-то просто говорить с самим собой, когда собеседник просто молча наблюдает, но теперь он не выдержал и решил поделиться своим мнением.

— Кто это? — спросил клон.

— Я точно знаю, что он не является нашим врагом. — ответил Лин Йен.

— Что ему нужно?

— Не уверен, но он не хотел поглощать тебя. Это был своеобразный крик о помощи.

— Чего? — возмутился Лин Дайдай.

— Я чуть не сдох! Кто вообще может просить так о помощи?»

— Скажем так, когда утопающий пытается спастись, он пытается держаться за всё, что может

схватить и использовать в качестве опоры. Он в отчаянии возьмётся за любую соломинку.

— Понятно!

Значит этот кто-то пытался отчаянно спастись и ухватился за Лин Дайдая, но его одного было мало для обеспечения плавучести, в результате чего, его потащили на дно. Он чуть не умер, потому что был слишком слаб, чтобы вынести эту ношу.

— Тогда кто это был, чёрт возьми?

— Если я правильно понял, то это что-то вроде воли Земли.

— О, как Гея из мифов! — восхитился Лин Дайдай.

— Не совсем верная интерпретация. Гея — не является волей или воплощением Земли. В древнегреческих мифах она была матерью богов и всего сущего. Ей приписывают создание Земли, но называть её саму планетой будет ошибочно.

— Древние греки с тобой бы не согласились.

На первый взгляд, объяснение Лин Йена было логичным, но по большей части оно обосновывалось китайскими мифами о Пангу, создавшем Землю и Нюйве, сотворившей богов и людей.

То, с чем столкнулся Лин Дайдай, было скорее воплощением мира во всех его аспектах, а не тем, что люди привыкли видеть через призму мифов.

— В спорах сейчас нет смысла. От этого сейчас никакой пользы.

— Хорошо, и как мне стать спасительной соломинкой для Земли?

— Никак. Там так глубоко, что тебя втянет в мгновение ока. Даже хоронить будет нечего.

— А как насчёт тебя?

— Меня? — Лин Йен подумал об этом и засмеялся. — Я всего лишь четвёртого уровня. Будь я даже на девятом уровне, уровне святого или даже бога, вряд ли этого будет достаточно.

— И что, неужели нельзя пойти дальше?

— Дальше бога?

Лин Йен долго обдумывал этот вопрос.

— Не знаю. — наконец ответил он. — Я не касался этой темы, поэтому не могу быть в чём-то уверен. Одно я могу сказать точно. Если риск слишком велик, я на него не пойду.